
В. А. АЛЕКСАНДРОВ

**РУССКОЕ ЖИЛИЩЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
В XVII — начале XVIII века**

В истории заселения Сибири русскими в XVII — начале XVIII в. важным свидетельством о происхождении переселенцев и о занесенных ими этнических традициях, об интенсивности освоения края пришельцами, об их приспособлении к местным природным условиям может служить местное жилище — тип и назначение отдельных жилых и хозяйственных построек, их планировка и техника возведения, а также терминология. О сибирском жилище XIX в. легко судить по сохранившимся описаниям в специальной литературе; до настоящего времени возможны также полевые этнографические наблюдения над постройками того времени, а в редких случаях — даже середины XVIII в. Облик же народного городского и сельского жилища 250—300-летней давности, периода первоначального заселения русскими Сибири, в частности Енисейского края, воссоздается по отдельным архивным данным, представляющим большую редкость: по переписной книге монастырских деревень Енисейского уезда (1679 г.), переписной книге постоянных дворов гор. Енисейска, составленной в 1704 г., и отдельным документам по Енисейскому и Мангазейскому уездам (например, опись имущества, административная переписка по поводу пожаров, строительства казенных помещений и пр.).

Переписная книга, составленная в 1679 г. в связи с ограничением монастырского землевладения в Сибири, по содержащемуся материалу менее полна, чем переписная книга 1704 г. Переписчики, точно отмечая состав населения монастырских деревень Енисейского уезда, считали нужным описывать только некоторые дворы, главным образом те, где жили монастырские закладчики и работники. Поэтому в книге имеется описание лишь 29 дворов, разбросанных по 20 деревням, усольям или заимкам уезда. В этих дворах описаны 37 жилых строений, а также разные хозяйственные сооружения, но, как правило, без указания их размеров, без описания видов отопления и внутренней планировки жилых помещений.

Переписная книга постоянных дворов Енисейска 1704 г. была составлена согласно указу Петра I, по которому местные власти во всем государстве обязывались переписать у «всяких чинов людей», без изъятия, постоянные дворы, на которые пускают для постою всяких «чинов проезжих людей и которые отдают в наймы дворы свои или на дворах своих палаты и избы и подклеты и в избах и в подклетах углы»; правительство предполагало, оценив и выплатив владельцам стоимость таких дворов, «отписать» их в казну. Результат этой частной переписи сохранился только по Енисейску¹.

Эта книга содержит в большей или меньшей степени подробное описание 40 жилых строений с рядом хозяйственных построек (бань,

¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1390, лл. 14—65. На эту переписную книгу обратил внимание еще Н. Н. Оглоблин, справедливо оценивший ее значение, как единственной в своем роде и очень любопытной преимущественно в бытовом отношении (См.: Н. Н. Оглоблин, Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I, М., 1895, стр. 79, 80, 312—315).

колодцев, хлевов, сенников), находившихся в 33 дворах. Ее ценность заключается прежде всего в том, что в ней обозначены размеры дворовых и огородных участков, указаны типы домов, размеры большинства жилых и хозяйственных строений и их частей, количество окон и их устройство, виды печного отопления, а также строительный материал; на основании отдельных указаний можно судить о положении домов по отношению к улице, о технике строительства, о типах застройки усадеб. К сожалению, почти совершенно отсутствуют в переписи данные о внутренней планировке жилища².

Владельцы дворов принадлежали к средним категориям городского населения. Половину их — 17 человек — составляли посадские люди, 10 домовладельцев были рядовыми пешими казаками, т. е. наименее оплачиваемой категорией приборных служилых людей; два двора принадлежали казенным («записным») плотникам, один — казачьему десятнику, и три двора — сыну боярскому и двум подьячим. Нет оснований думать, что все эти дворы специально строились как постоянные, и именно потому, как будет показано ниже, имели весьма значительную жилую площадь. Показания дворовладельцев создают впечатление, что к постоянному промыслу обращались наименее состоятельные или обедневшие жители, искавшие даже очень незначительного заработка. Не случайно среди 33 дворовладельцев было 6 вдов. Сдача углов в наем «всяким проезжим людям» приносила дохода, как показывали дворовладельцы, всего лишь две деньги, т. е. одну копейку с постояльца в неделю.

Описываемые дворы находились в трех основных районах города: 7 дворов непосредственно в «городе», т. е. в пределах острога; 21 двор на Нижнем посаде, между острогом и берегом Енисея, и 4 двора также на посаде, но за Мельничной речкой, протекавшей мимо острога и Нижнего посада и впадавшей в Енисей. Таким образом, в переписи представлены усадьбы, характерные для различных частей города.

² Приведем для примера описание двух дворов (ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1390, лл. 15 об.— 16, 21 об.— 22): «Двор енисейского пешей службы казака Федора Буддакова на Воскресенской улице, идучи от Гостина двора к Воскресенской церкви на левой стороне в межах, с одну сторону енисейского посадского человека Данила Щукина. По другую сторону прежние красные избы порозжее место. С переднюю сторону Воскресенская улица. Позади улица ж, что подле острог. На том дворе хоромного строения горница на подклете мерою трех сажен с аршином, у той горницы три окна колодные, да три ж окна волоковые, двери у той горницы на крюках железных. В горнице печь кирпичная с трубою выводною. Под тою горницею подклет, у того подклета окно колодное, три окна волоковые. У того подклета дверь на крюках железных. У голбца дверь на крюках же железных. Позади передней горницы построена горница на подклете мерою двух сажен с аршином. У той горницы три окна колодные, окно волоковое, дверь на крюках железных. У той же горницы в подклете окно колодное, три окна волоковые, дверь на крюках железных. В подклете печь кирпичная с трубою выводною кирпичною. Промеж горницею сени тесовые, а в сенях подволока, на верху забрана тесом, мерою же сени длиннику трех сажен, поперег двух сажен. Двери у сеней на железных крюках, в горничных же и в подклетных окнах окончины слюдные шитухи и з железом. На том же дворе погреб с надпогребницею мерою трех сажен, сверх напогребницы анбар. У напогребницы у верхнего анбара двери на крюках железных, замок висячей. У анбара во дворе погребницы, хлев скотцкой. На огороде колодез, баня старая двух сажен ручных. Мерою земли под тем хоромным строением длиннику двадцать одна сажен с полусаженью, поперег полсемь сажени, кругом двора огорожено заплотом, а огород частоколом. Покреты горницы и анбар и баня драньем, а на том дворе на постое торговых людей и с лавочными сидельцы двенадцать человек...

Двор посадского человека Федора Кирьянова, идучи на посаде от Ильинской башни к убогому дому на левой стороне в заулке в межах, с одной стороны огород подьяческой жены Никиты Гусева вдовы Парасковии, з другую сторону подьячего Семена Надеина. Позади огород отставного записного плотника Родиона Леонтьева. С переднюю сторону глухой заулоч. Во дворе хоромного строения изба старая мерою трех сажен, в избе два окна колодные, пять окон волоковых, в избе казенка забрана в косяк. У избы и у казенки двери на крюках железных. Перед избыю сени мерою двух сажен. Перед тою ж избыю клеть мерою полугретьи сажени. Под сенми хлев скотцкой. Под клетью погреб. За клетью стая конская, в стая хлев скотцкой. Изба и клеть крыты дранью. Под тем дворовым и хоромным строением земли мерою длиннику и поперег по одиннадцати сажен, а на том дворе на постое сапожники два человека».

Сопоставляя обе переписные книги — 1679 и 1704 гг., — можно судить о типах местного жилища, об их особенностях, характерных как для городских, так и для сельских поселений. Жилище рядовых горожан того времени, особенно в провинциальных городах, мало чем отличалось от жилища крестьян; в Сибири, где процесс отделения ремесла от сельского хозяйства шел значительно медленнее, чем в Центральной России, эта общность проявлялась более заметно, хотя, конечно, городские и сельские дворы имели свою специфику, в частности в хозяйственных постройках.

Определение общих, наиболее отчетливо проявлявшихся особенностей в типологии местного жилища особо важно потому, что постройки, описанные в обеих переписных книгах, могли быть возведены или первыми русскими насельниками, или, в крайнем случае, вторым их поколением.

Территория Енисейского уезда была присоединена к России и первоначально освоена русскими приблизительно в 1615—1630-х годах. Сам Енисейск, вначале острог, возник во втором десятилетии XVII в. и, по данным переписной книги 1669 г.³, был многолюдным городом и важным экономическим центром. В это время в городе насчитывалось не менее 64 дворов, принадлежавших служилым людям, 120 дворов, принадлежавших посадским людям; всего же, с дворами местного причта, подьячих и других, насчитывалось не менее 200 дворов. Постоянное население города — посадское и служилое, вместе с семьями насчитывавшее до 750 человек, — постоянно пополнялось различного рода людьми, следовавшим с «Руси» и на «Русь»: торговыми людьми и их агентами, приехавшими по своим торговым делам, промышленниками, следовавшими на собольиные промыслы, «гулящими людьми», пришедшими в поисках удачи и заработка и задержавшимися в городе на более или менее продолжительный срок. За один только год, с сентября 1666 по август 1667 г., через Енисейск прошло 964 человека⁴.

Состав постояльцев, указанный в переписной книге 1704 г., хорошо отражает специфику быта города, крупнейшего перевалочного центра на колонизационных и торговых путях Сибири, — из 104 человек было 34 торговца или торговых агента, 29 «гулящих людей», 19 ремесленников — «портных-швцов», сапожников и др.

Владельцы постоялых дворов показывали, что их постояльцы стали на постой в осенние месяцы 1704 г., т. е. тогда, когда движение на торговых путях замирало до весны. Большинство постояльцев останавливалось на сравнительно короткое время, снимая собоца по несколько человек теплые подклеты или углы в избах. Только в четырех дворах сдавались отдельные помещения целиком (избы, подклеты). Дворохозяева обычно обеспечивали их дровами, освещением (лучиной) и самыми необходимыми пищевыми припасами — квасом, крупой, капустой, солью. Стоимость всего этого вместе с оплатой за приготовление пищи включалась в плату за наем угла (1 алтын в неделю на человека).

Постоянное сельское население уезда создавалось в это же время. К 1630-м годам насчитывалось несколько десятков крестьян-дворохозяев, к 1654 г. число их возросло до 207, а к 1702 г. — до 917⁵. К этому следует прибавить значительное число монастырских крестьян, посадских и служилых людей, проживавших в деревнях, слободах и острогах, а также сотни промышленников и «гулящих людей». В 1676 г. по крестоприводному списку в Енисейске и в уезде насчитывалось 4008 взрослых мужчин разного социального положения, из них около 1700 промышленников и «гулящих людей». По неполному списку 1683 г. среди присягавших царям Петру и Ивану Алексеевичам по уезду насчитывалось монастыр-

³ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 527, лл. 296—303 об., 335—369.

⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 505, лл. 187—270.

⁵ В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири XVII в., М., 1956, стр. 106.

ских крестьян и вкладчиков — 207, а промышленников и «гулящих людей» — 632⁶.

Знания и опыт, использованные при строительстве жилищ, не могли выработаться за короткий срок пребывания русских переселенцев в Сибири и, конечно, сложились значительно раньше; переселенцы принесли с родины традиционные представления о наиболее рациональных строительных и конструктивных приемах. Кроме того, на планировке городских кварталов, на площади дворов и жилых помещений, господствующих типах застройки и т. п. отразились специфические условия Сибири — обилие леса, отсутствие земельной тесноты в только что возникших городах, суровый климат.

Площадь дворовых участков в Енисейске, как и в других городах, стояла в прямой связи с плотностью заселения. В Енисейске, только обстраивавшемся в течение XVII в., земельная теснота не ощущалась. Имеющиеся данные позволяют думать, что усадьба в 1000 м² в городе была обычным явлением. Общая площадь дворовых и огородных мест в Енисейске в целом довольно устойчива, если не считать одной усадьбы подъячего (3625 м²), принадлежавшего к местной административной верхушке. Из 33 усадеб девять занимали площадь от 1000 до 1500 м², пятнадцать — от 630 до 1000 м² и шесть усадеб (из них четыре, вероятно, без огорода) — до 600 м²; площадь остальных не указана.

В среднем площадь дворовых усадеб в городах Центральной России была несколько меньше и не превышала 1000 м². А. С. Лаппо-Данилевский, утверждавший, что величина дворовых и огородных мест в различных провинциальных городах Центральной России XVII в. была очень разнообразна (Шуя, Кашира, Старица, Старая Русса и др.), считал возможным их максимальный размер считать в 200 саж² (915 м²)⁷.

На юге, в городах, расположенных по оборонительным линиям, приборным служилым людям под дворы и огороды отводилось тогда же от 730 до 915 м² (Рязань, Болховой, Козлов и др.)⁸.

В Москве, как в более населенном городе, средняя плотность заселения зависела от местоположения квартала в городе. В окраинной Мещанской слободе в XVII в. дворовый надел в среднем равнялся 445 м², а в Кисловской слободе, находившейся в центре города, — максимально 272,5 м². Площадь дворового участка зависела и от социального положения домовладельца. На центральной Великой улице усадьба зажиточного человека достигала 900—1000 м²⁹. «В среднем тяглый посадский двор представлял собой участок приблизительно в 125 квадратных саженей» (т. е. 567 м²), — писал о московских дворах XVII в. С. К. Богоявленский¹⁰.

Усадебные участки в Енисейске, как и в ремесленных кварталах других русских городов XVII в., по форме представляли собой прямоугольник, выходящий наиболее короткой своей частью (поперечником) на улицу, тогда как длинная сторона завершалась огородом. В переписной книге указано наличие огородов в 25 усадьбах; только в одном случае огород располагался напротив усадьбы через проезжую улицу. Ввиду того, что опись дворов проводилась не сплошная (по кварталам), а выборочно, трудно судить о тождественности площадей смежных участков

⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 605, лл. 31—156; кн. 817, лл. 42—163.

⁷ См. А. С. Лаппо-Данилевский, О величине дворовых и огородных мест древнерусского города, «Записки Археологического общества», т. III, СПб., 1888, стр. 308, 314.

⁸ В. А. Александров, Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII в., рукопись кандидатской диссертации, М., 1947, стр. 87—97.

⁹ М. Г. Рабинович, Дом и усадьба в древней Москве, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 58—59; П. и Б. Гольденберг, Планировка жилого квартала Москвы XVII—XIX вв., М.—Л., 1935, стр. 49, 61, 62.

¹⁰ «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 504.

и об устойчивом соотношении длинника с поперечником в границах одного квартала¹¹. Тем не менее, в отдельных районах города прослеживается определенная общность. В городе из семи участков пять имели длинник от 37 до 41 м, один — 45,5 м и один — 55,5 м. Три участка из четырех на посаде за Мельничной речкой имели длинник в 32—34 м. На Нижнем посаде описываемые участки (21) были различной протяженности (6 участков от 36 до 43 м, 6 участков от 47 до 51 м, 4 участка от 61 до 85 м, остальные менее 32 м. Величина поперечника у всех этих участков была крайне разнообразной — от 8,5 до 42,5 м).

Несмотря на неполноту данных, записанных в переписной книге Енисейска, можно считать, что жилые помещения в городских дворах торцовой стороной выходили на улицу, ибо в ряде случаев длина жилого строения превосходила размеры поперечника участка¹².

Кварталы Енисейска иногда состояли из одной линии усадеб, так что жилые строения выходили на одну улицу, а огороды упирались в другую, параллельно идущую. Во дворах, стоявших вдоль берега реки, жилые строения ставились, по-видимому, также торцом к реке.

Тип жилых построек в городских и уездных дворах Енисейского уезда весьма показателен. Многие авторы, исследовавшие древнерусское народное жилище, подчеркивали, что трехкамерная постройка в XVII в. не была широко распространена. Г. Громов, анализирувавший альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища Центральной России, пришел к выводу, что жилища, представленные в альбоме, в основном однокамерные¹³. П. и Б. Гольденберг, говоря о Москве, утверждали, что только «аристократия» ремесленного класса располагала трехкамерной избой (изба, сени, клеть), средний же ремесленник довольствовался только избой и сенями или одной избой, отапливаемой по-черному¹⁴. С. К. Богоявленский писал, что «наиболее распространенным типом московских построек была так называемая двойня, состоявшая из двух срубов и сеней между ними»; но он тут же оговаривается, что «жилища бедняков обычно состояли из одной избы»¹⁵. П. И. Засурцев, на материалах Новгородской археологической экспедиции, исследуя жилища, расположенные в Неревском конце Новгорода и датируемые не позднее XVI в., пришел к выводу, что, наряду с широко известными в Новгороде однокамерными постройками там существовали двухкамерные и в редких случаях даже трехкамерные (из 203 построек — 28), прослеживаемые «при раскопках регулярно на протяжении X—XVI вв.»¹⁶.

В Енисейском уезде в XVII в. трехкамерное жилище было распространено в быту русского населения. Правда, замена клетки вторым теплым помещением (горницей), наличие которого в первой половине XIX в. считалось характерным для сибирского старожильческого населения¹⁷, в конце XVII в. только намечалась.

¹¹ О подобной форме городских участков как явлении, характерном для городской планировки того времени, см.: А. С. Лаппо-Данилевский, Указ. раб., стр. 309.

¹² Описываемая форма дворовых участков, их площадь, постановка дома по отношению к улице сохранились в восточносибирских селах до настоящего времени. Ср. Е. А. Ащелков, Русское народное зодчество в Восточной Сибири, М., 1953, стр. 38, 44; Н. Щукин, Быт крестьянина Восточной Сибири, «Журнал министерства внутренних дел» (далее ЖМВД), 1859, № 2, отд. III, стр. 32; Г. Степанов, Об Енисейской губернии, ЖМВД, 1835, август, стр. 436.

¹³ Г. Громов, Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища, «Сов. этнография», 1955, № 1, стр. 164—171.

¹⁴ П. и Б. Гольденберг, Указ. раб., стр. 49.

¹⁵ «История Москвы», т. I, стр. 506.

¹⁶ П. И. Засурцев, Постройки древнего Новгорода, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65, М., 1959, стр. 280—287.

¹⁷ Н. Щукин, Указ. раб., стр. 32; А. Кириллов, Очерк Сибири, ЖМВД, 1839, № 12, стр. 431; Г. Степанов, Указ. раб., стр. 436—437.

Большая часть жилых помещений в Енисейске представляла собой трехкамерное строение — связь. Всего в 33 городских дворах находилось 40 отдельных жилых строений, из них — 29 трехкамерных, 8 — двухкамерных и 3 — однокамерных. Трехкамерное жилище преимущественно (25 строений) состояло из одной теплой части (изба, горница), сеней и клетки. Остальные четыре трехкамерные жилища имели по два теплых помещения¹⁸.

Бывали случаи, когда у одного домовладельца на участке стояло по два трехкамерных строения. Двухкамерные жилища в редких случаях были единственным жилым помещением на одном дворе (всего 5 случаев). Однокамерные жилища находились на участках, где стояли двух- и трехкамерные жилища.

В отдельных случаях под постоянное жилье были приспособлены, помимо изб и горниц, подклеты, что представляет собой довольно редкое явление в быту русского населения. По-видимому, енисейские домовладельцы, с одной стороны, таким путем стремились утеплить основную часть жилого помещения, а с другой, — выгадать лишнюю, годную для круглогодичного жилья площадь и сдать ее многочисленным приезжим. Такие отдельные помещения обычно сдавались в долгосрочный наем. Так, во дворе посадского человека Якова Тугунщика подклет сдавался в годовой наем «прихожему человеку», серебрянику Максиму Петухову с семьей. Во дворе вдовы подъячего Прасковьи Гусевой в подклете также жил круглый год енисейский казак. В подклете жил с семьей и «енисейский» житель Михаил Закоурцев. Посадский человек Яков Красиков отапливаемый подклет сдавал на постой зимой «всяким приезжим людям». Спрос на жилье в переполненном всяким людом городе был настолько велик, что под постоянное жилье сдавались «баня жилая», «особая скотская изба».

В уезде трехкамерные жилые строения распространены были несколько менее, чем в городе. В упомянутой выше переписной книге монастырских деревень 1679 г. было отмечено в 29 дворах 37 жилых строений, из которых 12 строений представляли собой трехкамерное жилище и 15 — двухкамерное. Одно из трехкамерных жилищ было построено даже на отъезжей пашне; использовалось оно под жилье только во время страды¹⁹.

Другая характерная особенность русского жилища в Енисейском уезде заключалась в размерах. По площади жилые строения были весьма значительны. В среднем трехкамерное городское строение-связь занимало в длину 18—19 м. Точное указание длины всех частей трехкамерного строения в переписной книге имеется только в 15 случаях (одно строение достигало 20,9 м, восемь строений — 18—19, два строения — 16—17 и четыре строения — 13—14 м)²⁰.

¹⁸ В двух случаях две избы соединялись сенями, в одном случае две горницы соединялись сенями и в последнем случае изба и горница соединялись сенями.

¹⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 403, лл. 2 об., 10 об., 13, 15 об., 18 об., 22, 24—33, 37, 45, 115 об., 142 об., 152 об., 155 об., 176.

²⁰ Те же измерения указывает Е. А. Ащелков, говоря о старых избах Восточной Сибири, сохранившихся поныне (Е. А. Ащелков, Указ. раб., стр. 82).

Вычислять площадь жилых строений в целом и отдельных частей их приходится с некоторой долей условности; в переписной книге указывалась только длина одной стороны помещения (теплого, сеней, клетки), причем иногда длина сеней и клетки давалась суммарно. По-видимому, речь шла о наиболее распространенных квадратных помещениях, так как в редких случаях, когда то или иное помещение было явно удлиненной формы, указывались два измерения. Кроме того, переписчики лишь в редких случаях указывали, какой вид сажени они имели в виду, фиксируя то или иное измерение (казенную трехаршинную сажень или маховую — «ручную» в 2,5 аршина); так как в переписной книге чаще встречается указание на казенную, или печатную, сажень, то во всех спорных случаях она и принята нами за основную.

При постройке городских хозяйственных и жилых помещений, как видно из приводимой таблицы, выдерживались определенные « типовые » размеры. Из 44 теплых помещений и утепленных подклетов, размеры которых были отмечены в переписной книге, половина была размером $6,2 \times 6,2$ м или $6,4 \times 6,4$ м (т. е. $38,4$ — 41 м²).

Как указывалось выше, в переписной книге монастырских деревень размеры помещений указывались очень редко. Тем не менее можно по-

Размер, м ² (м × м)	Общее количество		
	теплые помещения (избы, горницы, утепленные подклеты)	сени	клети
4,4 (2,1 × 2,1)	—	2	—
10,2 (3,2 × 3,2)	1	—	—
12,2 (3,5 × 3,5)	—	1	—
18,5 (4,3 × 4,3)	3	3	3
25 (5 × 5)	5	—	—
28,1 (5,3 × 5,3)	4	1	3
32,5 (5,7 × 5,7)	5	—	—
38,4 (6,2 × 6,2)	1	—	—
41 (6,4 × 6,4)	21	4	2
50,4 (7,1 × 7,1)	4	—	—
72,3 (8,5 × 8,5)	—	1	—

лагать, что теплые помещения по площади не уступали городским жилым помещениям, а может быть, и превосходили их. В одном случае однокамерное жилище (изба) имело площадь в $42,3$ м² ($6,5 \times 6,5$), а в двух других случаях теплое помещение в двухкамерном жилище (изба-сени) и однокамерное жилище (изба) достигали 74 м² ($8,6 \times 8,6$)²¹. При этом следует учесть, что однокамерные жилища, судя по городским дворам, были по размерам меньше теплых помещений трехкамерных жилищ.

Такие помещения, особенно для того времени, нужно считать безусловно большими. Срубы, открытые

археологическими раскопками в Новгороде, значительно меньших размеров. Из 22 срубов XV—XVI вв., стоявших на Великой улице и бывших, несомненно, жилыми помещениями (сохранились остатки печей и очагов), только шесть занимали площадь более 28 м², из них только два — свыше 40 м²²². Подобных материалов сколько-нибудь массового характера по другим городам в настоящее время нет. Вероятно, в Москве жилища рядовых посадских людей были подобны новгородским. Так, во время раскопок в Зарядье (1946—1950 гг.) было вскрыто жилище горожанина средней зажиточности (середина XVII в.), состоявшее из трех рядом стоявших срубов общей площадью в $40,6$ м² ($4,4 \times 4,55$; $3,3 \times 3,5$; 3×3)²³. По описанию 1646 г., во дворе тяглеца Большой Конюшенной слободы Мины Михайлова «хоромы» состояли из поземной жилой избы в $29,2$ м² ($5,4 \times 5,4$), рубленых сеней в $41,3$ м² ($6,5 \times 6,5$) и рубленого же «пристенишка»²⁴.

В Енисейске в городских дворах общая площадь теплых помещений, приходящихся на одно строение, достигала огромных размеров. Только в трех дворах теплое жилое помещение по площади занимало меньше 30 м² (24 , 25 , 28 м²). Нередко такие помещения достигали 100 м², как это было, например, во дворе пешего казака Федора Булдакова (две соединенные сенями горницы в $50,4$ и 25 м² на подклетах, из которых один в 25 м² был жилым), или у посадского человека Павла Орлова (две одинаковые избы по 41 м², соединенные сенями). В других дворах стояло по два и даже по три двух- и трехкамерных строения. Посадский человек Лука Котков имел во дворе избу с горницей (41 и $35,2$ м²) и сенями и отдельно избу с сенями и клетью, измерения которой не указаны, и т. д. Обычно если во дворе стояло два или три отдельных жилых строения, то в новом жила семья дворовладельца, а старые сдавались в наем.

²¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 403, лл. 142 об., 166.

²² Труды Новгородской археологической экспедиции, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 55, М., 1956, стр. 50—58, 137 (подсчет мой.— В. А.).

²³ М. Г. Рабинович, Указ. раб., стр. 67.

²⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 282, л. 69.

Сени и клетки (в отдельности) по площади были меньше или равны теплomu жилому помещению, что представляло собой общее явление в русском народном жилище²⁵. Только в двух случаях в Енисейске сени (и в одном случае — клеть) превышали по своим размерам теплое помещение²⁶.

Вместе с сенями и клетями жилые строения в Енисейске занимали очень большие площади. К сожалению, можно установить общую площадь только у пяти двухкамерных и у семи трехкамерных построек. Лишь одно «старое ветхое» двухкамерное строение, стоявшее на дворе посадского человека Никифора Чулошникова, имевшего на участке еще и трехкамерную постройку, занимало площадь в 22,9 м². Другие двухкамерные постройки были в 37,8, 42,8, 43,5 и даже в 82 м². Площадь трехкамерных построек колебалась от 70 до 150 м².

Сооружение таких построек объясняется и обилием строительного материала, и хозяйственными соображениями.

Трехкамерные городские постройки в большей своей части возводились на высоком подклете, что было характерно и для сибирского жилища в XIX в.²⁷ Когда подклеты превращались в жилье, то вся постройка приобретала вид двухэтажного дома. Изредка первый этаж составляли сени или клеть.

В уездных дворах подклеты не описывались, но некоторые избы особо отмечались как поземные; поэтому можно предполагать, что подавляющее большинство других изб стояло на подклетах.

Комплекс хозяйственных помещений в городских и уездных дворах имел некоторые отличия.

В городских дворах хозяйственные постройки описаны, по сравнению с жилыми помещениями, менее тщательно, и не в каждом дворе отмечен полный комплекс хозяйственных построек. Всего в рассматриваемых 33 дворах упомянуто 15 хлевов, 2 стаи (в Сибири в XIX в. стаей называли загон для лошадей), 13 сенников, 8 амбаров, 12 погребов, 21 баня, 4 колодца. В городе, где площадь дворов была все же ограничена, хозяйственные постройки чаще устраивали под жилыми помещениями, прежде всего хлева и амбары; 9 хлевов было устроено под сенями и 6 амбаров — под разными жилыми помещениями. Часто под клетями устраивали погреба. Отдельно во дворах стояли сенники; в тех случаях, когда хлева стояли во дворах отдельно, сенники устраивали над ними²⁸.

В описанных 29 уездных дворах отмечены 31 хлев, 12 стай конских, 9 поветей, 2 сенника, 4 сарая или сенника, 22 хлебных амбара, 10 бань, 7 погребов, 9 овинов, сушильня. В этих крестьянских дворах хозяйственные постройки ставились отдельно от жилых построек, во дворе или на улице. Все хлева были расположены во дворе, и над ними устраивали повети; в одном случае над поветями был выведен еще сарай. Подобная конструкция хозяйственных построек характерна для двухъярусного двора, где «поветь — это второй этаж, в котором хранится сено и под которым находится скотный двор»²⁹.

²⁵ Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения), «Востонославянский этнографический сборник (Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в.)», Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 62.

²⁶ Дом посадского человека Самойлы Боброкова — изба 7,1×7,1, сени 8,5×8,5, клеть 5,3×5,3; дом сына боярского Алексея Чемесова — изба 5,3×5,3, сени 6,4×6,4, клеть 6,4×6,4.

²⁷ Г. Степанов, Указ. раб., стр. 436—437.

²⁸ Позднее (в XIX в.) в сибирских дворах над хлевами обычно также устраивали сеновалы (См. Н. Шукин, Указ. раб., стр. 35).

²⁹ Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 203.

В генетической связи с хозяйственными постройками севернорусского двора находится «стая конская», широко распространенная в Енисейском уезде в XVII в. На русском Севере стаям называли срубную конюшню, которую ставили обычно в конце двора³⁰.

Е. Э. Бломквист отмечала, что в Сибири «нередко в прошлом для скота не делали особого помещения, и он всю зиму ходил на дворе под открытым небом; в других случаях устраивали в заднем дворе заплот (забор) со стороны господствующих ветров и навес»³¹.

В материалах XVII в. под «стайей конской» подразумевается скорее всего загон для содержания лошадей, иногда крытый, над которым устраивали поветь. В переписной книге городских дворов по поводу одной стаи указано, что она «забрана в заплот» (т. е. окружена бревенчатым забором). Две стаи в городских дворах были расположены позади трехкамерных строений.

В очень многих городских и уездных дворах стояла баня. В городе ее чаще всего ставили на огороде, значительно реже — на дворе; в уезде — почти всегда на улице, перед двором. Как и жилые помещения, бани строили крупных размеров, в большинстве случаев 18,5 или 27,5 м² (4,3×4,3; 6,4×6,4); в отдельных случаях в банях устраивали «перед-сень».

Почти при каждом крестьянском дворе имелись хлебные амбары; иногда они были «о дву жирах» или «дву житях»³². За редкими исключениями их ставили на улице против двора. Овины ставили на гумнах, погребя — во дворе или на улице; в одном случае указана крышка (творило), но обычно над ними устраивали надпогребицу.

Дворовое пространство огораживали заплотом с двустворчатыми воротами (что было характерно для сибирских дворов и в дальнейшем), а огороды — частоколом.

Из других, не связанных с дворовой застройкой, хозяйственных сооружений по сохранившимся описаниям наиболее полно можно судить о мельницах. Еще в 1625 г. в Енисейске и в уезде мельниц не было вовсе, и местное — служилое и крестьянское — население пользовалось ручными жерновами и варило из ржи кутью³³. С быстрым ростом пашни в уезде местное население начало строить водяные и ветряные мельницы. Якутский воевода Петр Головин, проезжая через Енисейск в 1640 г., отметил наличие большого количества ветряных мельниц³⁴. Вряд ли это свидетельство верно, так как в дальнейшем ветряных мельниц в Енисейске почти не было. По данным писцовой книги уездного населения 1689/91 г. и по оброчным мельничным книгам 1695 и 1698 гг., в Енисейском уезде ветряные мельницы встречались как исключение; в подавляющей массе мельницы были водяные, главным образом колесчатые³⁵. Всего в Енисейском уезде в 1695 г. насчитывалось 112 мельниц, из которых лишь четыре были ветряные³⁶. Колесчатые мельницы ставились на речках и ручьях для индивидуального пользования одним дворовладельцем или 3—4 семьями. Для совместного пользования целыми деревнями мельницы ставились редко. При постройке водяных мельниц русские переселенцы использовали имевшийся у них опыт. Любопытный

³⁰ Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 168.

³¹ Там же, стр. 208, 209.

³² См. также ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 817, лл. 260—263; кн. 1419, л. 97, 189, 193. (По своей площади хлебные амбары были очень различны: от 4,8 м² до 41,3 м², а возможно и более).

³³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 12, л. 8.

³⁴ Там же, стб. 75, л. 631.

³⁵ В дальнейшем в рассматриваемом районе употреблялись главным образом водяные мельницы (См. Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 335).

³⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1419, лл. 35, 42 об., 45, 53 об., 57 об., 68, 77, 86 об., 89, 96, 105, 111, 121, 151 об., 161, 169, 180 об., 182 об., 216 об., 220, 222 об.; кн. 1089, лл. 185—196 об., кн. 1229, лл. 209—219.

эпизод произошел в Енисейске в 1628 г. Присланный из Тобольска мельничный мастер, по происхождению «литвин», начал ставить казенную мельницу «без крепостей, не по-русски, на сваях» и не укрепил плотину. Только что построенную мельницу первой же «скопною» водой снесло «без остатка». Тогда воевода Василий Аргамаков призвал «гулящего человека» Филата Жернокова и поручил ему ставить новую плотину и «делать мельницу и колеса с русского обычая», которая и была благополучно завершена и успешно работала³⁷. В Мангазейско-Туруханском крае местные жители для помола привозимого зерна также пытались, по-видимому, ставить водяные мельницы и в XVII и в начале XVIII в. Однако эти попытки в условиях вечной мерзлоты не увенчались успехом³⁸.

Наряду с небольшими мельницами отдельные местные жители, конечно в промысловых целях, ставили огромные сооружения. В 1649 г. в Енисейске администрация купила у посадского человека Андрея Лаврентьева требовавшую ремонта мельницу на речке Зырянке. Основное ее помещение «о трех житиях», где помещались два жернова, достигало почти 170 м². Отдельно стояла сушильня для зерна в 74 м². При ремонте большой плотины, на которой был устроен проезжий мост, потребовалось только «в добавку» 25 тыс. пудов камней³⁹.

О внутренней планировке жилищ переписные книги не содержат никаких данных. Почему-то переписчики аккуратно отмечали в городских дворах только одну деталь внутренней планировки — казёнку. По контексту — это отгороженная тесом часть (половина) рубленых сеней или избы с дверью в перегородке. Один раз переписчики отметили дверь у голбца; на основании этого можно считать, что спуск в подполье устраивали в избе, как это отмечалось позднее в северных и сибирских избах⁴⁰.

Жилые и хозяйственные постройки выводили, применяя срубную и столбовую технику. Если судить по единственному упоминанию в переписной книге городских дворов, срубы рубили «в угол» и, по-видимому, иногда бревна обтесывали. Столбовая техника применялась при постройке отдельно стоящих сенников, а иногда и сеней. Сени или прирубали к избе вместе с клетью, или же они были «забраны» тесом, «драньем». Есть упоминания о том, что бревенчатые сени иногда делали с «перерубом». Сени и клетки по большей части не имели потолка; во всяком случае, наличие подволоки, обычно тесовой, специально оговаривалось. Полы были «намощены» тесом. Если судить по описанию выведенных «по розвытке» местными жителями в 1667 г. новых острогов в Енисейске и в уезде, можно думать, что употребление для разных построек колотых бревен было явлением обычным⁴¹. Все без исключения строения покрывали дранью, а иногда еще и соломой⁴².

В городских енисейских жилищах обращает на себя внимание усовершенствованная «система» отопления. Кирпичные печи, топившиеся побелому, с кирпичными выводными трубами были не редкостью. Правда, такие печи существовали, вероятно, только во дворах, стоявших в «городе» (в шести строениях, стоявших в четырех дворах).

Довольно полно представлен в переписной книге городских дворов материал об устройстве окон и об их количестве; окон во всех жилых помещениях было от 5 до 7—8. В домах, где подклеты были приспособлены для постоянного жилья, а также в домах, отапливаемых

³⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 12, лл. 506, 507.

³⁸ Там же, кн. 367, лл. 708 об., 711; кн. 1270, л. 139.

³⁹ Там же, стб. 381, лл. 821—829, 840—845.

⁴⁰ Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 241, 242; Н. Щуккин, Указ. раб., стр. 32.

⁴¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 528, лл. 218—236.

⁴² Там же, стб. 98, л. 287.

по-белому, по 4—6 окон вырубали и в подклетах. Изредка окна делали также в клетях. В окна, как колодные, так и волоковые, очень часто вставляли слюду, что объяснялось, помимо дешевизны слюды, и тем, что в районе Енисейска находились богатые ее месторождения. Иногда в окончины вставляли сшитые вместе куски слюды («окончины слюдные шитухи») ⁴³. Иногда же слюду вставляли в железный переплет, широко известный и в древнерусском жилище («окончины слюдные с железом»). Колодные окна прослеживаются в большинстве описываемых домов, хотя в некоторых, вероятно наиболее старых, сохранялись только волоковые. Е. Э. Бломквист считает, что волоковые окна стали заменять красными или косячатыми не позже XVII в. ⁴⁴. Быть может, именно этот переход к более совершенному типу окна наблюдался в это время и в Сибири. Как правило, колодных окон в одном жилом помещении было не больше двух. Исключения в этом отношении встречались редко ⁴⁵.

Двери во всех помещениях укрепляли «на крюках» и часто запирали «внутренними замками», достаточно известными в быту XVII в. Висячими замками запирали амбары.

Строительные и конструктивные особенности, характерные для жилищ енисейских жителей, распространялись также на административные здания Енисейска и на жилища представителей местного воеводского управления. По данным 1683 г., приказные избы в Енисейске были на подклетах, а на воеводском дворе, представлявшем собой целую усадьбу с «поварнями», «людскими избами и чуланами», банями, погребями и т. п., боярские жилые хоромы состояли из двух горниц (столовой и крестовой) на жилых подклетах, третьей горницы, стоявшей над крестовой, сеней, «предсенья» и повалуши ⁴⁶.

В других районах Енисейского края при частных особенностях, возникших под влиянием местных условий, жилище имело те же традиционные черты. В городе Мангазее, расположенном в тундре на р. Таз, несмотря на отсутствие строевого леса, трехкамерные жилища также не были редкостью. Правда, ввиду недостатка леса, даже местная администрация строила в Мангазее для себя небольшие жилища, часто используя доски, снятые с пришедших в негодность судов. По сохранившемуся описанию конца 1630-х годов, двор влиятельного представителя местной администрации — дьяка Богдана Обобурова состоял из основного жилого помещения — горницы на подклете, дощатых сеней и (вместо клетки) также дощатого «амбаришка»; над сенями был устроен перегороденный надвое «чердачишко»; отдельно во дворе стояла изба, на которой была возведена горница, а также баня с сенями ⁴⁷. Важно отметить технический прием, использованный при постройке этих помещений. Все они были поставлены «на мостах». Е. А. Ащеп-

⁴³ На Севере для этой цели также сшивали слюду. (См. Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 120. «Шитуха», — по определению Даля, термин архангельский; им приведен в значении *сшитая* лодка).

⁴⁴ Там же, стр. 120.

⁴⁵ В доме пешего казака Прокопия Гатилова-Рогалева, расположенном в «городе» и отапливаемом по-белому, в горнице было четыре колодных и два волоковых окна, а в подклете — два колодных и два волоковых окна. В доме пешего козака Федора Булдакова, расположенном там же и отапливаемом также по-белому, в одной горнице (50,4 м²) было три колодных и три волоковых окна, в подклете под ней одно колодное и три волоковых; в другой горнице (25 м²) было также три колодных и одно волоковое окно, а в отапливаемом подклете — одно колодное и четыре волоковых окна. В доме посадского человека Козьмы Тентюкова, стоявшем на Нижнем посаде, два колодных окна и одно волоковое были устроены в клетях. В очень ветхом доме сына боярского Алексея Чемесова два колодных окна и четыре волоковых были устроены также в клетях.

⁴⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 817, лл. 2, 35. В маленьком Кузнецком остроге воеводский двор в 1640 г. ничем не отличался от других дворов; он состоял из избы на подклете, горницы и клетки. (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 98, л. 347).

⁴⁷ Там же, стб. 88, лл. 386, 387.

ков, описывая сибирское жилище XX в., отмечал, что для истории русской архитектуры представляют большой интерес обнаруженные «в некоторых сибирских постройках деревянные „мосты” — сплошные настилы из бревен в два и три ряда, служившие фундаментами жилых домов в низких заболоченных местах»⁴⁸. Город Мангазея стоял в тундре, и, безусловно, выведение помещений на «мосту» было там вполне оправданно. Дьяческий двор за ветхостью был брошен в 1637 г., а построен он был, вероятно, в первые годы XVII в., когда город только что закладывался. Строители сразу же учли особенности местной почвы и применили при возведении зданий известный им наиболее рациональный способ.

Рядовые горожане строились там еще более скромно. Упомянутый выше дьяк Богдан Обобуров за ветхостью своего двора перебрался жить в наиболее, по-видимому, просторный двухкамерный дом местного служилого человека. Этот дом состоял из избы на подклете и «сенишек»⁴⁹. В Дубчевской слободе бедный двор одного из основателей слободы Ивана Ворогова, впоследствии разорившегося, в 1650 г. состоял из избы и пристроенного к ней амбара⁵⁰.

Я. Яроцкий, в начале XIX в. занимавшийся топографическим описанием Туруханского края, также отмечал, что в Туруханске все частные дома состояли из небольшой комнаты (избы) и отапливались по-черному. Тем не менее даже самое скромное жилище, вплоть до зимовий, было двухкамерным, и этот тип постройки очень стойко сохранялся на протяжении столетий. Для Мангазейско-Туруханского края характерным был крытый двор, связующий в одно целое все жилые и нежилые помещения и отмечаемый наблюдателями начиная с первой половины XVIII в. Крытые дворы служили убежищем для скота, особенно в длительные многоснежные и очень суровые зимы⁵¹.

Таким образом, с самого начала русской колонизации в различных районах Енисейского края под влиянием местных условий жилище начало приобретать специфические черты, ставшие характерными в XVII в. и сохранившиеся до недавнего или даже до настоящего времени. Рассмотренные материалы позволяют считать, что основные элементы севернорусского жилища выявились в сибирском жилище уже в XVII в. и способствовали сложению в Сибири определенного типа народного жилища.

«Распространенное представление о сибирском крестьянском жилище, как о высоком, просторном, светлом доме с наглухо запирающимися на ночь ставнями, с массивными воротами и высоким забором вокруг двора, добротными надворными строениями, — соответствует в основном сибирскому жилищу лесной полосы 6. губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, а также отдельным районам Забайкалья и лесной зоны Алтая. В жилище этих районов сохраняются традиции высокой северовеликорусской бревенчатой избы на подклете, что неизбежно вытекает из суровых климатических условий», — писала Е. Э. Бломквист, характеризуя сибирское жилище более позднего времени⁵².

Указанные выводы не менее важны и для истории непосредственно севернорусского типа жилища, который в XVII в. был настолько раз-

⁴⁸ Е. А. Ащепков, Указ. раб., стр. 21.

⁴⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 88, л. 384.

⁵⁰ Там же, стб. 381, л. 751.

⁵¹ Я. Яроцкий, Некоторые замечания о Туруханском крае, «Казанский вестник», 1826, ч. 16, стр. 160; ср. И. Скороговорков, Описание Енисейской губернии, «Записки Сибирского Отдела Русского геогр. об-ва», кн. VIII, раздел 2, Иркутск, 1865, стр. 42; Н. К. Ауэрбах, Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисей, Красноярск, 1929, стр. 21.

⁵² Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 239, 240.

вит, что традиции его широко распространялись в Сибири переселенцами с Русского Севера. В этой связи не лишены также интереса показания, данные в 1650 г. некоторыми жителями Енисейского уезда, по поводу происхождения их прозвищ. Местные жители их называли «корелой», и воеводская администрация, ввиду предполагавшегося соглашения со Швецией о возвращении перебежавших на русскую территорию карел, хотела их выслать. Оказалось, что они происходили из Заонежских погостов, из Обонежской пятины и по специальности были плотниками — «плотничали хоромы и всякое дело»⁵³. Любопытно также отметить, что термин, употребляемый в енисейских переписных книгах XVII в. для определения жилого помещения, — «хоромное строение», бытует до настоящего времени на Севере и обозначает дом-двор («хоромы»).

SUMMARY

Studies of the Russian national dwelling and its characteristic features as manifested by the 17th century town and village settlements in the Yenisei basin and in the neighbouring parts of Eastern Siberia, are of considerable interest not only for the history of dwellings, but also for the solution of the intricate problem of the origin of the Russian population which began to settle the Yenisei territory from the 17th century. Data yielded by archives warrant the conclusion that as early as in the 17th century the Siberian dwelling assumed its definite, specific features — the prevalence of three-room living premises, raised above the ground, the great dimensions of these living rooms, a definite layout of the different outhouses in relation to the living quarters, etc. While comparing these data with the material on the 17th century Russian dwelling in other parts of the country, and also with data on the later-period (19th and 20th centuries) Siberian dwelling, it is possible to assert that in its origin the Siberian dwelling was already in the 17th century linked with the North-Russian type of dwelling.

⁵³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 387, лл. 75—83.